

УДК 811.161.1

**ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ, СНИЖАЮЩИЕ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ ГЕРОЕВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. ДОНЦОВОЙ
«ИДЕАЛЬНОЕ ТЕЛО ПЯТАЧКА»)**

© А.А. Соловьева

Аннотация. Рассмотрено явление коммуникативной неудачи, обозначены потенциальные причины неуспешности повседневного общения. Проанализирован диалог героев произведения «Идеальное тело Пятачка» Д. Донцовой с целью выявления лингвистических факторов, снижающих эффективность коммуникации. Определены причины, порождающие коммуникативные неудачи, связанные с нарушениями на словообразовательном и морфологическом уровнях русского языка.

Ключевые слова: общение, коммуникативная неудача, диалог, современное произведение, грамматические ошибки, причины неуспешности коммуникации

Проблема адекватного восприятия информации является одной из ключевых проблем коммуникации, так как неправильная интерпретация адресатом воспринятого сообщения может привести к частичному или полному непониманию. Неосуществление коммуникативного намерения говорящего провоцирует возникновение коммуникативной неудачи, которую М.А. Кронгауз понимает как «речевой акт, при котором намерение говорящего было неправильно понято слушающим, в результате чего реакция слушающего оказалась неадекватной» [1, с. 290].

Неумение слушать и слышать собеседника, неумение точно формулировать мысли, к сожалению, неотъемлемая составляющая повседневного непосредственного общения. Коммуникативные неудачи неизбежны в общении людей, что обуславливает актуальность изучения природы неуспешной коммуникации и анализа коммуникативно неуспешных речевых актов с целью предупреждения ситуаций неверной интерпретации информации.

Значимость коммуникативных процессов в жизни человека и общества делает важным изучение причин, порождающих коммуникативные неудачи. Причины неуспешности речевой коммуникации могут быть как лингвистическими (языковыми, системными), так и экстралингвистическими (идеологическими, психосоциальными).

Для рассмотрения коммуникативных неудач языкового (лингвистического) характера в рамках данного научного исследования используется анализ диалогов героев художественных произведений (устная речь, отраженная в тексте) с целью оценки успешности речевого взаимодействия, достижения или недостижения коммуникативного намерения.

Обратимся к тексту художественного произведения «Идеальное тело Пятачка» современного российского автора Д. Донцовой. Проанализируем телефонный разговор Тани Сергеевой – главной героини «иронического детектива» – и незнакомого ей мужчины, ошибшегося номером:

– *Девушка, алло... эй, девушка, вы слушаете? – зачастил мужской голос. – Нашему кому вчера удалили нарыв на лапе, делаем ему уколы антибиотика. Еще пришлось сменить наполнитель в лотке, потому что «кэтпис» из-за кризиса больше не поставляют, и он чешется!* [2, с. 90].

В данном фрагменте речи наблюдается неудачное употребление личного местоимения. Сначала говорящий ведет речь о коте: «делаем ему уколы»; затем – говорит о наполнителе для лотка («кэтпис» больше не поставляют») и начинает следующую часть высказывания в составе сложносочиненного предложения с личного местоимения «он». Очевидно, коммуникант не знает, что местоимения, используемые в качестве слов-заменителей, нельзя употреблять, если в контексте предыдущего отрезка речи замещаемого местоимением слова нет. Итог: слушающему вовсе не ясно, какое слово было заменено местоимением.

– *Кризис? – ошалело переспросила я.*

– *Кот! – возмутился незнакомец.*

Если мужчина имел в виду то, что чешется его домашний питомец, то в первой части высказывания «Еще пришлось сменить наполнитель в лотке, потому что «кэтпис» из-за кризиса больше не поставляют, и он чешется!» говорящий должен был, как минимум, назвать тот субъект (то есть кота), который совершает действие («чешется»), а не вести речь о наполнителе, лотке и кризисе. Восстановив причинно-следственную связь, получим следующее: из-за того, что хозяину кота пришлось сменить наполнитель в лотке питомца, животное стало чесаться.

– *Девушка, алло, девушка, слушайте! Вы поняли расклад? Кому удалили нарыв на лапе, колем антибиотика, в лотке, увы, отечественные гранулы, он чешется. Теперь вопрос: можно ли его печень сырой есть или ее надо кипятком обдать?*

Мы видим, что герой попытался исправить коммуникативную неточность и сформулировал предложение с личным местоимением «он» таким образом, что стало более понятно, какое слово это местоимение замещает. Мужчина включил в свою речь упоминание о коте («Кому удалили нарыв на лапе, колем антибиотика») и в продолжении фразы

заменял имеющееся существительное «кот» на местоимение «он», но допустил уже в новой фразе грамматическую ошибку, приведшую к существенному коммуникативному сбою.

– *Ни в коем случае не ешьте его печень!*

Фразу «можно ли его печень сырой есть» девушка понимает однозначно: хозяин собирается употребить в пищу печень своего кота (так как «можно ли сырой есть (что?) печень» (указание на принадлежность – кого? чью?) «его» [имеется в виду кот] (притяжательное местоимение, указывающее на принадлежность к предмету речи)). Под печенью понимается «крупная железа у животных и человека, вырабатывающая желчь, участвующая в процессах пищеварения, кровообращения, обмена веществ» [3]. Печень (ср.: чья?) некоторых животных нередко употребляется человеком в качестве приготовленного блюда.

В сознании сразу возникают аналогии: печень (чья?) гусиная – печень, принадлежащая гусю – печень (кого?) гуся – (чья?) его печень. Подобным же образом понял бы фразу мужчины любой грамотный носитель языка, потому что грамматическое оформление слов говорящего исключает любое другое понимание сказанного.

– *Да? А нам сказали: печенка необходима для здоровья, в ней полно незаменимых витаминов! Не объяснили только способ употребления.*

Я проглотила вопрос о том, какой живодер прописал человеку кошачью печень, и решила отговорить незнакомца от ужасного шага.

– *Ни в коем случае не делайте этого! Ну посудите сами! Антибиотики, операция и наполнитель плохой! Вам нужна такая печень?* [2, с. 91].

Все это время девушка, думая, что речь идет о печени кота (об органе, принадлежащем коту), пыталась отговорить собеседника от идеи употребления печени.

– *Лучше купите витамины.*

– *Какие?*

Мужчину не смущают слова Тани про антибиотики, наполнитель, печень и т. д.; незнакомец не уточняет, что имеет в виду девушка и почему в ответ на его высказывания она говорит о посторонних вещах. Как следствие, собеседник (в рассматриваемом примере – Таня) может решить, что сообщение говорящего понято им верно, ведь никаких возражений не следует. Мужчина, вероятно, думает, что девушка рекомендует ему витамины для кота, так как в сознании незнакомца – все это время они разговаривали о рационе животного, а не о чем-либо другом; мужчина даже не задумывается, что смысл всех его слов мог быть неверно истолкован собеседником.

– *Значит, печень нельзя?*

– *Нет! Категорически!!! – крикнула я.*

Подобная эмоциональная реакция совершенно оправдана, если интерпретировать речь человека на другом конце провода именно так, как она была сформулирована. Неверное оформление предложений, а соответственно, и своих мыслей незнакомым мужчиной не оставляет шансов героине понять собеседника каким-либо иным образом. Таня делает вывод: мужчина планирует заняться живодерством, что, естественно, недопустимо. Отсюда и негодование рассказчицы, желание во что бы то ни стало отговорить незнакомца от подобной затеи.

– *Чем же **кота** кормить, если **ему** печень нельзя?*

Только в данном высказывании мужчина поясняет, что печень предназначена для рациона кота: печень нельзя (кому?) «ему» [коту] (форма Д. п. личного местоимения «он»).

– *Вы хотели угостить печенкой кота? – подпрыгнула я.*

– *Сто раз говорил! Соперировали коту нарыв, колем антибиотики, сменили из-за кризиса наполнитель в лотке, сплошной стресс! Учитывая обстоятельства, можно его печень сырой жрать? А вы спрашиваете: «Вы хотели угостить печенкой кота?» Нет, сам решил ее сырым лопать!*

– *Прежде чем нападать на других, научитесь правильно изъясняться на русском языке, – возмутилась я. – Вам следовало спросить: «**Кому можно дать сырую печенку?**»*

– *Я так и сказал: «Можно его **печень** жрать?»*

– *Не «его», а «ему».*

Героиня осознает причину непонимания смысла речи собеседника. Незнакомец облакает свои мысли в неверную форму, ошибочно употребляет местоимения, не различая формы «печень (чья?) его» (притяжательное местоимение, совпадающее с формой Р. п. личного местоимения «он») и «печень [дать/есть] (кому?) ему» (форма Д. п. личного местоимения «он»); у мужчины выходит следующее: «можно ли есть печень (кому?) его (вместо «ему»)».

– *Почему?*

– *«Кому – ему!» А не «кому – его!».*

– *Ну-ка, отвечай, если кот жрет печень, она чья?*

– *Говяжья, – терпеливо пояснила я, – или свиная.*

– *Фиг тебе! **Котовая.***

– *В смысле, **кошачья?** – уточнила я [2, с. 92].*

Наблюдается явное неумение мужчины образовывать притяжательные прилагательные.

– ***Кот съел, значит, его печень.***

По мнению незнакомца, тот факт, что печень предназначена для кота, делает эту печень кошачьей (принадлежащей питомцу), а употреб-

ление притяжательного местоимения «его» – уместным. Мужчина считает, что «печень (чья?) его [кота]» равно «печень для кота».

– *Нет, – вяззалась я в идиотский спор, – животное не может полакомиться собственной печенкой!*

В обыденном сознании «печень чья?» значит «печень, принадлежащая какому-л. животному», «орган какого-л. животного». Ср.: печень (чья?) говяжья = блюдо из говяжьей печени; печень (чья?) куриная = блюдо из печени курицы и т. д. В этом же ряду, согласно логике героя, мы должны поставить: печень (чья?) кошачья = печень (орган) кота, блюдо из кошачьей печени. Как известно, подобный продукт в здравом уме никто не производит и в пищу не употребляет.

– *По вашей логике, если я съем куриную ногу, то это моя нога? – не удержалась я от ехидства.*

– *А чья же?*

– *Курячья. То есть цыплиная, – запуталась я в прилагательных. – Опять неправильно. Несушечья! Короче говоря, окорочок – он и есть окорочок. А мои ноги – мои ноги. Ясно и логично. Кот не ест свою печень!*

Здесь сама героиня демонстрирует неумение образовывать притяжательные прилагательные: «курячья» вместо «куриная»; «цыплиная» вместо «цыплячья».

– *Юра, хватит с душой беседовать, – услышался издали женский голос.*

– *Точно, гадская справочная! – воскликнул мой собеседник [2, с. 93].*

Мужчина априори не может получить необходимую информацию в достаточном объеме из-за того, что выражает свои намерения некорректно. Навык подобной коммуникации может привести лишь к отказу собеседника от ожидаемого взаимодействия. В рассматриваемом примере практическая цель коммуникации не была достигнута не потому, что герой ошибся номером и обратился не к профессионалу, а потому, что верно интерпретировать замысел говорящего не смог бы ни один человек, владеющий нормами русского языка.

Причиной коммуникативной неудачи в рассматриваемом диалоге являются многочисленные грамматические (морфологические) ошибки говорящего: неверное и некорректное употребление местоимений, неумение образовывать притяжательные формы прилагательных, непонимание отличия форм слов друг от друга. Все вышперечисленное говорит об отсутствии у героя «коммуникативной компетенции – понимания и использования языковых и речевых единиц в процессе развертывания высказывания» [4, с. 31].

Человек должен оценивать свою речь с точки зрения ее нормированности, замечать и исправлять в процессе говорения допущенные речевые и грамматические ошибки. Таким образом, анализ причин коммуникативных неудач, то есть факторов, потенциально снижающих эффективность коммуникации, может помочь предотвращению возникновения конфликтности общения.

Список литературы

1. *Кронгауз М.А.* Семантика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 400 с.
2. *Донцова Д.* Идеальное тело Пятачка. М.: Эксмо, 2009. 310 с.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. *Коробкова О.Ф.* Содержание понятий «коммуникативная компетенция», «коммуникативные навыки» и «речевые навыки» в современной нормативной документации и научной литературе // Специальное образование. 2010. № 3 (19). С. 29-41.

Статья поступила в редакцию 21.05.2021
Одобрена после рецензирования 25.06.2021
Принята к публикации 07.09.2021

Информация об авторе:

Соловьева Антонина Александровна, студентка факультета филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, solovyova.antonina@yandex.ru

LINGUISTIC FACTORS THAT REDUCE THE EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION OF A LITERARY WORK'S CHARACTERS (BASED ON "THE IDEAL BODY OF PIGLET" BY D. DONTSOVA)

Antonina A. Solovyeva, of Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, solovyova.antonina@yandex.ru

Abstract. We consider the communicative failure phenomenon, identify potential reasons for the failure of everyday communication. We analyze the dialogue of the characters of "The ideal body of Piglet" by D. Dontsova in order to identify linguistic factors that reduce the effectiveness of communication. We determine the reasons causing communicative failures associated with mistakes at the word-formation and morphological levels of Russian language.

Keywords: communication, communicative failure, dialogue, contemporary work, grammar mistakes, reasons for communication failure

The article was submitted 21.05.2021
Approved after reviewing 25.06.2021
Accepted for publication 07.09.2021